

**Сочинения А. Н.
Островского**

Том 10

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
С69

С69 Сочинения А. Н. Островского: Том 10 / – М.: Книга по Требованию, 2024. –
436 с.

ISBN 978-5-521-26765-1

ISBN 978-5-521-26765-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

БЕЗПРИДАНИЦА.

ДРАМА ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Лица:

Харита Игнатьевна Огудалова, вдова, среднихъ лѣтъ; одѣта изящно, но смѣло и не по лѣтамъ.

Лариса Дмитріевна, ея дочь, дѣвица, одѣта богато, но скромно.

Моній Парменычъ Кнуровъ, изъ крупныхъ дѣльцевъ послѣдняго времени, пожилой человѣкъ, съ громаднымъ состояніемъ.

Василій Данилычъ Вожеватовъ, очень молодой человѣкъ, одинъ изъ представителей богатой торговой фирмы, по костюму европеецъ.

Юлій Капитонычъ Карамышевъ, молодой человѣкъ, небогатый чиновникъ.

Сергій Сергѣичъ Паратовъ, блестящій баринъ, изъ судовладельцевъ, лѣтъ за 30. Робинзонъ.

Гаврило, клубный буфетчикъ и содержатель кофейной на бульварѣ.

Иванъ, слуга въ кофейной.

Дѣйствіе происходитъ въ настоящее время, въ большомъ городѣ Бряхиховѣ, на Волгѣ.

Городской бульваръ на высокомъ берегу Волги, съ площадкой передъ кофейной. Направо отъ актеровъ—входъ въ кофейную, налѣво—деревья; въ глубинѣ чугунная рѣшетка, за ней видъ на Волгу, на большое пространство: лѣса, села и проч. На площадкѣ столы и стулья: одинъ столъ на правой сторонѣ, подлѣ кофейной, другой—на лѣвой.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Гаврило (*стоитъ въ дверяхъ кофейной*), Иванъ (*приводитъ въ порядокъ мебель на площадкѣ*).

Иванъ.

Никого народу-то нѣтъ на бульварѣ.

Гаврило.

По праздникамъ всегда такъ. По старинѣ живемъ: отъ поздней обѣдни всѣ къ пирогу, да ко шамъ, а потомъ, послѣ хлѣба-соли, семь часовъ отдыхъ.

Иванъ.

Ужь и семь! Часика три-четыре. Хорошее это заведеніе.

Гаврило.

А вотъ, около вечерень проснутся, попьютъ чайку до третьей тоски...

Иванъ.

До тоски! Объ чемъ тосковать-то?

Гаврило.

Посиди за самоваромъ поплотнѣе, поглотаи часа два кпятку, такъ узнаешь. Послѣ шестаго пота, она, первая-то тоска подступаетъ... Разстанутся съ чаемъ и выползутъ на бульваръ раздышаться, да разгуляться. Теперь чистая публика гуляетъ: вонъ Мокій Парменычъ Кнуровъ проминаетъ себя.

Иванъ.

Онъ каждое утро бульваръ-то мѣряетъ взадъ и впередъ, точно по общанію. И для чего это онъ такъ себя утруждаетъ?

Гаврило.

Для моціону.

Иванъ.

А моціонъ для чего?

Гаврило.

Для аппетита. А аппетитъ нуженъ ему для обѣда. Какіе обѣды-то у него! Развѣ безъ моціону такой обѣдъ съѣшь!

Иванъ.

Отъ чего это онъ все молчитъ?

Гаврило.

«Молчитъ». Чудакъ ты... Какъ-же ты хочешь, чтобъ онъ разговаривалъ, коли у него милліоны! Съ кѣмъ ему разгова-

ривать? Есть человѣка два-три въ городѣ, съ ними онъ разговариваетъ, а больше не съ кѣмъ; ну, онъ и молчитъ. Онъ и живетъ здѣсь не подолгу отъ этого отъ самаго; да и не жплъ бы, кабы не дѣла. А разговаривать онъ ѣздитъ въ Москву, въ Петербургъ, да за границу, тамъ ему просторнѣе.

Иванъ.

А вотъ Василій Данилычъ изъ подъ горы идетъ. Вотъ тоже богатый человѣкъ, а разговариваетъ.

Гаврило.

Василій Данилычъ еще молодъ; малодушествомъ занимается; а въ лѣта войдетъ, такой же идолъ будетъ. *(Слѣва выходитъ Кнуровъ и, не обращая вниманія на поклонны Гаврилы и Ивана, садится къ столу, вынимаетъ изъ кармана французскую газету и читаетъ. Справа входитъ Вожеватовъ),*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Кнуровъ, Вожеватовъ, Гаврило, Иванъ.

Вожеватовъ *(почтительно кланяясь).*

Мокий Парменычъ, честь имѣю кланяться!

Кнуровъ.

А! Василій Данилычъ! *(Подаетъ руку).* Откуда?

Вожеватовъ.

Съ пристани, *(Садится... Гаврило подходитъ ближе).*

Кнуровъ.

Встрѣчали кого нибудь?

Вожеватовъ.

Встрѣчалъ, да не встрѣтилъ. Я вчера отъ Сергѣя Сергѣича Паратова телеграмму получилъ. Я у него пароходъ покупаю.

Гаврило.

Не Ласточку-ли, Василій Данилычъ?

Вожеватовъ.

Да, Ласточку. А что?

Гаврило.

Рѣзво бѣгаетъ, сильный пароходъ.

Вожеватовъ.

Да вотъ обманулъ Сергѣй Сергѣичъ, не пріѣхалъ.

Гаврило.

Вы ихъ съ Самолетомъ ждали, а они, можетъ, на своемъ пріѣдутъ, на Ласточкѣ.

Иванъ.

Василій Данилычъ, да вонъ еще пароходъ бѣжитъ сверху.

Вожеватовъ.

Мало-ль ихъ по Волгѣ бѣгаетъ.

Иванъ.

Это Сергѣй Сергѣичъ ѣдутъ.

Вожеватовъ.

Ты думаешь?

Иванъ.

Да похоже, что они-съ... Кожухи-то на Ласточкѣ больно примѣтны.

Вожеватовъ.

Разберешь ты кожухи за семь верстъ.

Иванъ.

За десять разобрать можно-съ... Да и ходко идетъ, сей-часъ видно, что съ хозяиномъ.

Вожеватовъ.

А далеко?

Иванъ.

Изъ за острова вышелъ. Такъ и выстилаетъ, такъ и выстилаетъ.

Гаврило.

Ты говоришь, выстилаетъ?

Иванъ.

Выстилаетъ. Страсть! Шибче Самолета бѣжитъ, такъ и мѣрятся.

Они ѣдутъ-съ.

Гаврило.

Вожеватовъ (*Ивану*).

Такъ ты скажи, какъ приставать стануть.

Иванъ.

Слушаю-съ... Чай, изъ пушки выпалать.

Гаврило.

Безпремѣнно.

Вожеватовъ.

Изъ какой пушки?

Гаврило.

У нихъ тутъ свои баржи середъ Волги на якорѣ.

Вожеватовъ.

Знаю.

Гаврило.

Такъ на баржѣ пушка есть. Когда Сергѣя Сергѣича встрѣчаютъ, или провожаютъ, такъ всегда палятъ. (*Взглянуть въ сторону за кофейную*). Вонъ и коляска за ними ѣдетъ-съ, извозицкая, Чиркова-съ! Видно, дали знать Чиркову, что пріѣдутъ. Самъ хозяинъ Чирковъ на козлахъ. Это за ними-съ.

Вожеватовъ.

Да почему ты знаешь, что за ними?

Гаврило.

Четыре нноходца въ рядъ, помилуйте, за ними. Для кого-же Чирковъ такую четверню сберетъ! Вѣдь это ужаси смотрѣть... какъ львы... всѣ четыре на трепзеляхъ! А сбруя-то. сбруя-то! За ними-съ.

Иванъ.

И цыганъ съ Чирковымъ на козлахъ сидитъ, въ парадномъ казакинѣ, ремнемъ перетянуть такъ, что того, гляди, переломится.

Гаврило.

Это за ними-съ. Некому больше на такой четверкѣ ѣздить. Они-съ.

Енуровъ.

Съ шикомъ живетъ Паратовъ.

Вожеватовъ.

Ужь чего другаго, а шикѹ довольно.

Енуровъ.

Дешево пароходъ-то покупаете?

Вожеватовъ.

Дешево, Мокий Парменычъ!

Енуровъ.

Да, разумѣется; а то что за расчетъ покупать. Зачѣмъ онъ продаетъ?

Вожеватовъ.

Знать, выгоды не находить.

Енуровъ.

Конечно, гдѣ-жъ ему! Не барское это дѣло. Вотъ вы вы-
году найдете, коли дешево-то купите.

Вожеватовъ.

Намъ кстати: у насъ, на низу, грузу много.

Енуровъ.

Не деньги-ль понадобились... онъ, вѣдь, мотовать.

Вожеватовъ.

Его дѣло. Деньги у насъ готовы.

Енуровъ.

Да, съ деньгами можно дѣла дѣлать, можно. (*Съ улыбкой*).
Хорошо тому, Василій Давилычъ, у кого денегъ-то много.

Вожеватовъ.

Дурно-ли дѣло! Вы сами, Мокий Парменычъ, это лучше
всякаго знаете.

Енуровъ.

Знаю, Василій Давилычъ, знаю.

Вожеватовъ.

Не выпьемъ-ли холодненькаго, Мокий Парменычъ?

Енуровъ.

Что вы, утромъ-то! Я еще не завтракалъ...

Вожеватовъ.

Ничего-съ. Мнѣ одинъ англичанинъ,—онъ директоръ на фабрикѣ,—говорилъ, что отъ насморка хорошо шампанское на тошакъ пить. А я вчера простудился немного.

Кнуровъ.

Какимъ образомъ? Такое тепло стоитъ.

Вожеватовъ.

Да все имъ же и простудился-то: холодно очень подали.

Кнуровъ.

Нѣтъ, что хорошаго; люди посмотрятъ, скажутъ: ни свѣтъ, ни заря—шампанское пьютъ.

Вожеватовъ.

А чтобъ люди чего дурнаго не сказали, такъ мы станемъ чай пить.

Кнуровъ.

Ну, чай—другое дѣло.

Вожеватовъ (Гаврилу).

Гаврило, дай-ка намъ чайку моего, понимаешь?.. *Моего!*

Гаврило.

Слушаю-съ. (*Уходитъ*).

Кнуровъ.

Вы развѣ особенный какой пьете?

Вожеватовъ.

Да все то же шампанское, только въ чайники онъ разольетъ и стаканы съ блюдечками податьъ.

Кнуровъ.

Остроумно.

Вожеватовъ.

Нужда-то всему научить. Мокий Парменычъ!

Кнуровъ.

Вдѣте въ Парижъ-то, на выставку?

Вожеватовъ.

Вотъ куплю пароходъ, да отправлю его внизъ за грузомъ и поѣду.

Енуровъ.

И я на дняхъ: ужь меня ждуть. (*Гаврило приноситъ на поднось два чайника съ шампанскимъ и два стакана*).

Вожеватовъ (*наливая*).

Слышали новость, Мокій Пармепычъ? Лариса Дмятрѣвна замужъ выходитъ.

Енуровъ.

Какъ замужъ? Что вы! За кого?

Вожеватовъ.

За Карандышева.

Енуровъ.

Что за вздоръ такой! Вотъ фантазія! Ну, что такое Карандышевъ! Не пара, вѣдь, онъ ей, Василій Данилычъ!

Вожеватовъ.

Какая ужь пара! Да что-жъ дѣлать-то, гдѣ взять жениховъ-то? Вѣдь она безприданница.

Енуровъ.

Безприданницы-то и находятъ жениховъ хорошихъ.

Вожеватовъ.

Не то время. Прежде жениховъ-то много было, такъ и на безприданницъ хватало; а теперь жениховъ-то въ самый обрѣзъ; сколько приданныхъ, столько и жениховъ, лишнихъ нѣтъ—безприданницамъ то и не достаетъ. Развѣ-бы Харита Игнатьевна отдала за Карандышева, кабы лучше были.

Енуровъ.

Бойкая женщина.

Вожеватовъ.

Она, должно быть, не русская.

Енуровъ.

Отчего?

Вожеватовъ.

Ужь очень проворна.

Енуровъ.

Какъ это она оплошала? Огудаловы все таки фамилія порядочная, и вдругъ за какого-то Карандышева!.. Да съ ея-то ловкостью... всегда полонъ домъ холостыхъ...

Вожеватовъ.

Бздить-то къ ней—всѣ бздять,—потому что весело очень: барышня хорошенькая, играетъ на разныхъ пнструментахъ, поетъ, обращеніе свободное, оно и тянетъ... Ну, а жениться-то надо подумавши.

Енуровъ.

Вѣдь выдала же она двухъ.

Вожеватовъ.

Выдать-то выдала, да надо ихъ спросить, сладко-ли имъ жить-то. Старшую увезъ какой-то горецъ, кавказскій князекъ. Вотъ потѣха-то была... Какъ увидалъ, затрясся, заплакалъ даже,—такъ двѣ недѣли и стоялъ подлѣ нея, за кинжалъ держался, да глазами сверкалъ, чтобъ не подходилъ никто. Женился и уѣхалъ, да, говорятъ, не довезъ до Кавказа-то, зарѣзалъ на дорогѣ отъ ревности. Другая тоже за какого-то иностранца вышла, а онъ послѣ оказался совсѣмъ не иностранецъ, а шуллеръ.

Енуровъ.

Огудалова разочла не глупо: состояніе небольшое, давать приданое не изъ чего, такъ она живетъ открыто, всѣхъ принимаетъ.

Вожеватовъ.

Любить и сама пожить весело. А средства у нея такъ велики, что даже и на такую жизнь не достаетъ.

Енуровъ.

Гдѣ-же она беретъ?

Вожеватовъ.

Женихи платятся. Какъ кому понравилась дочка, такъ и раскошеливайся... Потому на приданое возьметъ съ жениха, а приданого не спрашивай.

Енуровъ.

Ну, я думаю, не одни женихи платятся, а и вамъ, на примѣръ, частое посѣщеніе этого семейства не дешево обходится.

Вожеватовъ.

Не раззорюсь, Мокій Парменычъ! Что-жъ дѣлать, за удо-

вольствія платить надо: они даромъ не достаются; а бывать у нихъ въ домѣ большое удовольствіе.

Енуровъ.

Дѣйствительно, удовольствіе, это вы правду говорите.

Вожеватовъ.

А сами почти никогда не бываете.

Енуровъ.

Да неловко: много у нихъ всякаго сброду бываетъ, потому встрѣчаются, кланяются, разговаривать лѣзутъ. Вотъ, напримѣръ, Карандышевъ, ну, что за знакомство для меня!

Вожеватовъ.

Да, у нихъ въ домѣ на базаръ похоже.

Енуровъ.

Ну, что хорошаго! Тотъ лѣзетъ къ Ларисѣ Дмитріевнѣ съ комплиментами, другой съ пѣжностями, такъ и жужжатъ, не даютъ съ ней слова сказать. Пріятно съ ней одной почаше видѣться—безъ помѣхи.

Вожеватовъ.

Жениться надо.

Енуровъ.

Жениться! Не всякому можно, да не всякій и захочетъ; вотъ я, напримѣръ, женатый.

Вожеватовъ.

Такъ ужъ нечего дѣлать... Хорошъ виноградъ, да зелень. Мокій Парменычъ.

Енуровъ.

Вы думаете?

Вожеватовъ.

Видимое дѣло. Не такихъ правилъ люди: мало-ль случаевъ-то было, да, вотъ, не польстились, хоть за Карандышева, да замужъ.

Енуровъ.

А хорошо бы съ такой барышней въ Парижъ прокатиться на выставку.